

- сики. – М., 2005.
8. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. 83.
  9. См.: Гальцева Р. По следам гения // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. – М., 1990. – С. 5-14; Гальцева Р., Роднянская И. Реальное дело художника («Положительная эстетика» Владимира Соловьева и взгляда на литературное творчество // Соловьев В.С. Эстетика и литературная критика. – М., 1991. – С. 8-29; Хализов В.Е. Указ. соч.; Попова Е.В. Аксиология и литературоведение: Учеб. пос. – Владикавказ, 2008.
  10. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей // Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М., 1994. – С. 265.
  11. Там же. – С. 266.
  12. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М., 1991. – С. 39.
  13. Ильин И.А. Основы художества. О совершенном искусстве // Ильин И.А. Собр. Соч.: В 10 т. – Т. 6. – Кн. 1. – М., 1996. – С. 53-54.
  14. Подробнее об этом см.: Вомперский В.П. Стилистическое учение Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.
  15. Державин Г.Р. На Рождение Царицы Гремиславы Л.А. Нарышкину // Державин Г.Р. Сочинения. Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Г.Н. Ионина. – СПб., 2002. – С. 219. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте.
  16. Пумпянский Л.В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М., 2000. – С. 210 и след.
  17. Аверинцев С.С. Поэзия Державина // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX в.). – М., 2000. – С. 768.
  18. Там же. – С. 773.
  19. О значении грамматического оформления этого перехода см.: Мейор А.Г. Указ. соч. – С. 82-84.
  20. Аношкина В.Н. Православные основы русского романтизма. // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – М., 2007. – С. 43.21.
  21. См. подробнее: Серёгина Н. Пушкин и христианская гимнография. – СПб., 1999; Сергеева О.А. Красота и тайна света в лирике Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия. – М., 2006. – С. 144-155; Розадеева М.А. Евхаристическое богословие Ф.И. Тютчева // Ф.И. Тютчев и Православие. – М., 2005. – С. 123-133.
  22. См.: Захаров В.Н. Православие и этнопоэтика русской литературы // Cultural Discontinuity and Reconstruction Summaries of Papers: Conference in Bergen 8-10 Sept. 1994 и др.

T. Alpatova, I. Kiseleva
 MAN - IDEAL - SOCIETY: PROBLEMS
 OF AXIOLOGY IN LITERATURE

Abstract. This article states the idea that home literature represents a phenomenon of Russian life in its spiritual and moral searches and findings. Their complexity and multiple-aspect coverage are connected with yearning for the embodiment of valuable ideals of a person. The article asserts that the author's axiology dictated by his embedment in centuries-old national spiritual culture, is the "genetic code" that creates a text as an artistic unity and defines its ethical and aesthetic merits.

Key words: axiology in literature, good, ideal, truth, beauty, personality, society, tradition, artistic discoveries, value.

УДК 82–991.1

Батурова Т.К.

ВАЛААМ В ЖИЗНИ Ф.И. ТЮТЧЕВА И ЕГО СЕМЬИ*

Аннотация. В статье представлена малоизученная проблема влияния святых на мировоззрение и творчество Ф.И. Тютчева. Рассмотрено пребывание поэта и близких ему людей на Валааме, где поэт соприкоснулся с молитвенным подвигом валаамских духовных подвижников. Проанализированы воздействие святого места на внутреннее состояние Тютчева в период зарождения его любви к Е.А. Денисьевой и отражение полученных

впечатлений в лирике поэта.

Ключевые слова: духовность, лирика, монастырь, пейзаж, подвижник, святость.

Вопрос о влиянии святых на мировоззрение и поэзию Ф.И. Тютчева относится к наименее изученным в литературной науке. Однако без его освещения невозможно во всей полноте постичь творчество великого поэта.

Обращаясь к Своим ученикам, Господь говорит: «Вы – свет мира» (Мф. 5, 14). Этими словами Он указывает, что Его ученики будут носителями истины, правды, любви, Божест-

* © Батурова Т.К.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант №08-04-00072а).

венной благодати. К числу таких учеников относятся не только апостолы, но и святые. Святость – средоточие духовной жизни, на святых ориентируется человек в своем духовном пути. Современник Тютчева митрополит Московский Филарет, размышляя о святости, провозгласил стремление к ней обязанностью каждого человека. Не прошел этот свет и мимо Тютчева, тем более что каждое событие находило отражение в его душе. П.И. Бартев в своих воспоминаниях приводит слова П.А. Вяземского, тонко подметившего внимание Тютчева ко всем событиям и явлениям жизни, и пишет: «Малейшее событие, при нем совершившееся, каждое лицо, мелькнувшее перед ним, иллюстрированы и отчеканены его ярким и метким словом» [1].

Многие духовные подвижники вошли в судьбу поэта и его семьи, значительно повлияли на них. Это, прежде всего, святые, «в земле Российской просиявшие»: благоверный великий князь Александр Невский, святитель Митрофан Воронежский, мученик Феодор, святой равноапостольный князь Владимир, святой князь Даниил Московский, преподобные Сергей и Герман Валаамские, преподобный Александр Свирский, преподобный Сергей Радонежский, преподобный Серафим Саровский, святитель Филарет Московский и, наконец, славянские святые – равноапостольные Кирилл и Мефодий. Все это светносные ученики Христовы, с которыми соприкоснулся Тютчев.

Остановимся на одном явлении духовной жизни поэта, получившем отражение в его творчестве.

В начале августа 1850 года Тютчев вместе с дочерью Анной и ее подругой Еленой Александровной Денисьевой совершил паломничество на Валаам. Показателен уже самый факт поездки Тютчева в святое место: это не приятная прогулка, а в некоторой степени духовный подвиг. На него идет человек, жаждущий встречи с Богом. В паломнике явственно звучит Божий призыв: «Даждь Ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23, 26). Тютчев, человек неравнодушный, стремившийся к Истине, испытывал насущную необходимость в этом путешествии. Безусловно, он внутренне готовился к паломнической поездке, потом переживал ее, обдумывал пережитое, а всякое его чувство непременно находило отклик в стихах. Это особой важности событие в жизни поэта не нашло должного освещения в научных трудах: исследователи лишь упоминают о данном факте и говорят о нем в сугубо биографическом аспекте.

Тем не менее, необходимо прикоснуться к духовной стороне поездки Тютчева на святой остров. Сделать это тем более важно, что после Валаама поэт вступил в новый этап своей жизни: в нем разгорелась последняя земная любовь, которая была и великой радостью, и глубокой болью – любовь к Е.А. Денисьевой. Это чувство зародилось еще до Валаама, и Тютчев с Денисьевой тщательно скрывали его от умной, всю понимающей дочери поэта. Прикосновение к великой святыне не остановило страстного порыва Тютчева, но не могло пройти бесследно. Думается, что освещение духовного аспекта этой поездки даст возможность понять состояние поэта в данный период.

Прежде всего, что увидел Тютчев во время поездки? Валаам – в духовном отношении место особенное. Вот его современная характеристика: «Есть на земле места, словно особо предназначенные для прославления величия Творца, напоминающие о первоначальной гармонии бытия. Довольно часто они отделены от окружающего мира природной границей. На Руси одним из таких мест был и остается Валаам – архипелаг в Ладожском озере с расположенным на нем Спасо-Преображенским монастырем» [2].

Поразителен уже внешний вид Валаама: подобной природы «не встретишь нигде в Европе: множество совершенно отвесных скал, идущих и в высоту и на глубину, – островки, мыски, бухточки... Проливы, озерки между густой растительностью и угрюмыми гранитными скалами отражают на лазури все предметы, а стройный хвойный лес дополняет общую картину, придавая всему чудный, восхитительный вид» [3]. По старому валаамскому преданию, в дохристианскую эпоху Валаам являлся гигантским языческим жертвенником, но первый ученик Христов – святой апостол Андрей Первозванный, просвещая скифские и славянские земли, прибыл из Новгорода на Валаам, разрушил здесь языческие капища, воздвиг каменный крест и предсказал Валааму великое будущее. Не скоро сбылось это предсказание. Предположительно в конце XIV века прибыл на Валаам инок Сергей, много потрудившийся здесь в строительстве храмов. Верным его помощником, а затем и преемником стал инок Герман. Оба они явились основателями Валаамского монастыря. С тех далеких времен от их мощей, находящихся под спудом, происходили многочисленные чудеса, а с 1819 года началось общероссийское почитание преподобных Сергия и Германа Валаам-

ских. Святая обитель прославилась многими духовными подвижниками, преемниками преподобных Сергия и Германа. Среди них – будущий основатель Соловецкого монастыря преподобный Савватий; инок Геннадий, в будущем архиепископ Новгородский, но, прежде всего, преподобный Александр Свирский, пришедший на Валаам в 1474 году и принявший здесь иночество. Впоследствии он станет тайнозрителем Святой Троицы, «вторым Авраамом»: кроткий инок на реке Свирь увидит Бога в Трех Лицах. А на Валааме он сделал в скале небольшую келью; здесь в суровой аскезе он прожил 14 лет, проводя время в молитве и посте, а еще вырыл себе могилу, ибо память смертная всегда живет в сердце монаха.

В этот удивительный край и прибыл Тютчев со своими спутницами вечером 7 августа 1850 года, прибыл не надолго, на один день. Но и столь короткая встреча с Валаамом не могла пройти для него бесследно и не была случайной.

Тогда настоятелем Валаамского монастыря был отец Дамаскин (Кононов). Он начал строительство главного собора монастыря – Спаса-Преображенского – и много потрудился для процветания обители. Человек разнообразных дарований, отец Дамаскин был в дружеских отношениях со многими известными людьми. При нем Валаам посещали Д.И. Менделеев, П.И. Чайковский, А.К. Глазунов, В.С. Соловьев, И.И. Шишкин, Н.С. Лесков. Ф.И. Тютчев – в ряду этих знаменитостей. Его не мог не поразить самый путь на Валаам. Удивительной красоты Ладожское озеро, мощное, величественное, а часто бурное и грозное, конечно, произвело на поэта неизгладимое впечатление. Вскоре после поездки Тютчев напишет стихотворение «Под дыханьем непогоды...», оно датируется 12 августа 1850 года:

*Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом –
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.*

*Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок... [4].*

Исследуя тютчевское стихотворение,

В.Ф. Саводник обратил внимание на обилие «красочных эпитетов, воспроизводящих непосредственное зрительное впечатление и придающих всей пьесе особенную колоритность» [5].

Эти зрительные впечатления порождены созерцанием мощи и величия озера, отделяющего святой остров от суеты столичной жизни. Однако стихотворение передает не только зрительные впечатления, но и смятение человеческой души, встревоженной, беспокойной, ощущающей грозную опасность и все же спешащей ей навстречу. Это и есть состояние Тютчева, переживающего зарождение новой любви – греховной и желанной.

Неоспорим тот факт, что Валаам рождает в душе человека особое покаянное чувство, ибо прикосновение к этой мощной духовной святине ярко высвечивает внутреннее несовершенство каждого побывавшего здесь. Наверное, поэтому из-под пера Тютчева выходят пронзительные строки, написанные в первый год любви к Е.А. Денисьевой:

*Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и востать,
Пройдет ли обморок духовный? (2, 37).*

Велико покаянное чувство, отразившееся в этих строчках. Никакого прощения себе, никакого оправдания своей страсти. Но самое главное здесь – ощущение высокого духовного ориентира, от которого так далек грешный человек. Урок Валаама был воспринят Тютчевым в полной мере.

Дочь Тютчева, Анна Федоровна, в 1858 году еще раз посетила Валаам, но уже с царской семьей. 29 июня она сделала в своем дневнике запись, характеризующую эту «очень удачную поездку», передав до малейших деталей свои впечатления от святого места: «Ночь была покойна. В 8 часов мы увидели в ослепительном солнечном свете Валаам. Нет ничего живописней этого острова. Из лазоревых волн поднимаются темные массы скал, увенчанные роскошной зеленью, вековыми соснами и елями, перемешанными с березами. При повороте залива, образуемого озером, вдруг открывается монастырь, купола которого подымаются в небо на вершине высокой горы, поднимающейся террасами, засаженными садами, где, благодаря трудолюбию иноков, созревают плоды юга в недрах этого ледяного края». Анна Федоровна вспоминает об обедне в церкви преподобных Сергия и Германа, о молебне этим

святым, о встрече с архимандритом – большим духовным подвижником, о посещении монастырского скита. Ее поражает контраст между ликующей летней природой Валаама и суровостью отшельнической жизни: «Скит был залит солнцем, нежная травка, расстилавшаяся у подножия высоких деревьев, пестрела множеством лесных цветов. Птицы пели, пчелы жужжали, и этот отшельничий уголок имел вид праздничный, ликующий, но что же это должно быть в течение тех девяти, десяти месяцев, когда зима окутывает все своим ледяным покровом! < ... > нужно очень много силы духа, чтобы в этом одиночестве выдержать суровость зимы». Анна Федоровна видит несовместимость духовного подвига валаамских подвижников и суетной придворной жизни, потому с грустью заключает: «Мы посетили монастырскую трапезу, затем кладбище, где нам показали могилу какого-то принца Магнуса Шведского, исчезнувшего с своей родины в конце XVI века и пришедшего сюда, чтобы окончить свою жизнь отшельником. Но все это мы осмотрели мимоходом, наспех, как всегда это бывает при дворе». И в конце дневниковой записи передана атмосфера ледяного холода обратного пути: «Мы сели на пароход в 4 часа и из атмосферы июньской сразу перенеслись в октябрьскую, так как от озера к вечеру поднимаются совершенно ледяные испарения. В 7 часов осмотр Коневского монастыря и Конь-Камня. При возвращении озеро было очень бурно» [6].

Анна Федоровна здесь – достойная дочь своего отца: следует отметить образность и яркость ее описаний. Натура сложная и глубокая, она постоянно размышляет, сопоставляет увиденное и не делает прямолинейных выводов. Неоднозначность ее восприятия напоминает сложные чувства Тютчева. Но в воспоминаниях Анны Федоровны есть целост-

ность мирозерцания, не звучат внутренние противоречия и саморазоблачения, разрывающие душу поэта.

Данные наблюдения позволяют углубить современные представления о духовности Ф.И. Тютчева и его семьи. Несмотря на сложность жизненных обстоятельств, а порой и греховные падения, Тютчев, как любой православный человек, мог произнести короткую молитву: «Все святии, молитте Бога о нас».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цит. по: Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – М., 1988. – С. 379.
2. Валаам: История. Архитектура. Природа. Б/м. 2006. – С. 3.
3. Там же.
4. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т.2. – М., 2003. – С. 22. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
5. Саводник В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. – М., 1911. – С. 168.
6. Тютчева А.Ф. Воспоминания. – М., 2000. – С. 282–284.

T. Baturova VALAAM IN THE LIFE OF F. TYUTCHEV AND HIS FAMILY

Abstract. The article is dedicated to the insufficiently explored problem of the saints' influence on the outlook and creative work of F. Tyutchev. The life of poet and his nearest at the Valaam where he concerned the prayer feat of valaam hermits. The influence of saint place on the inner world of Tyutchev at the period of the origin of his love to E. Denis'eva and the reflection of received impressions on his poetry is analysed.

Key wards: spirit, poetry, monastery, landscape, hermit, holiness.